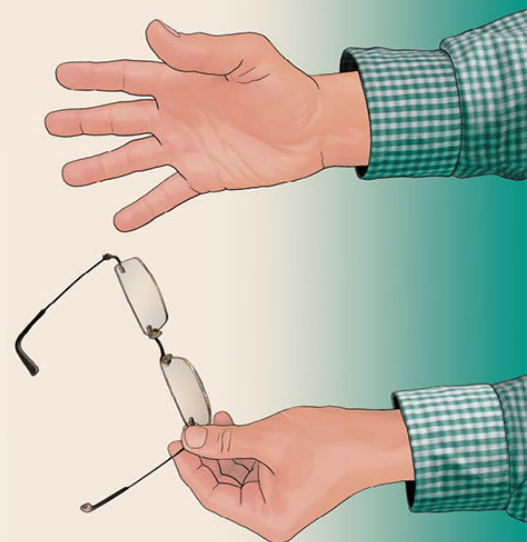
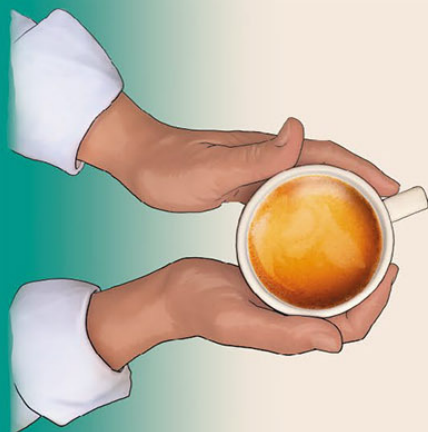
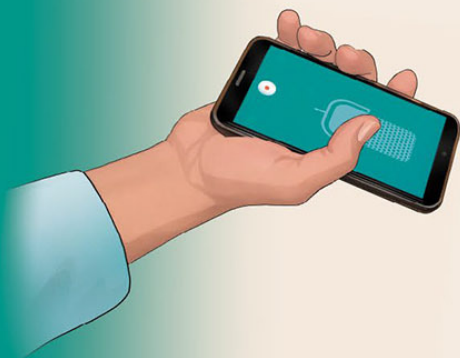

ИЛЬЯ ШТЕЙНБЕРГ

МЕТОД «ДЛИННОГО СТОЛА»

В КАЧЕСТВЕННЫХ
ПОЛЕВЫХ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ

• Основан в 1987 году •

Pragmatic (ВЦИОМ)

Илья Штейнберг

**Метод «длинного стола»
в качественных полевых
социологических исследованиях**

«ВЦИОМ»

2021

УДК 303.436.3
ББК 60.5

Штейнберг И. Е.

Метод «длинного стола» в качественных полевых социологических исследованиях / И. Е. Штейнберг — «ВЦИОМ», 2021 — (Pragmatic (ВЦИОМ))

ISBN 978-5-906345-34-9

Метод «длинного стола» — довольно странное название, не так ли? У стола не может быть метода, какой бы формы он ни был. Однако мы знаем немало примеров, когда метод получает наименование, связанное с неодушевленными предметами. В этих случаях название отражает определенное свойство предмета, которое используется в методике. Например, «снежный ком» — способ формирования выборки. Ком растет при движении из-за налипания новых слоев снега — что-то похожее происходит, когда поиск информантов идет от одного к другому, по рекомендации. Название метода групповой работы «длинный стол» появилось случайно, но сумело прочно закрепиться в практике проведения качественных социологических полевых исследований. Книга написана Ильей Штейнбергом, известным полевым исследователем и методологом, учеником Теодора Шанина. В ней предпринята попытка обобщить многолетний опыт обучения практическим навыкам проведения полевых социологических исследований методом «длинного стола». В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 303.436.3
ББК 60.5

ISBN 978-5-906345-34-9

© Штейнберг И. Е., 2021

© ВЦИОМ, 2021

Содержание

Введение	8
Глава 1. Как и зачем появился метод «длинного стола»?	18
Три этапа создания метода «длинного стола»	18
«Утиный тест» в отборе полевых исследователей	24
Специфические и неспецифические навыки, или Как приделать ручку к чемодану	26
Инструменты и упражнения «длинного стола» для развития «социологического воображения»	28
Big Data в рекламе	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Илья Штейнберг

Метод «длинного стола» в качественных полевых социологических исследованиях

Серия Pragmatic основана в 2020 г. и посвящена прикладным социологическим исследованиям в различных отраслях научного знания

Рецензент канд. филос. н. Д. Г. Подвойский

Благодарность

При подготовке книги была использована видеозапись беседы с Теодором Шаниным, посвященной методу «длинного стола». Она была сделана Валерием Георгиевичем Виноградским, профессором центра аграрных исследований ИПЭИ РАНХиГС. С его любезного согласия расшифровка видеозаписи опубликована в Приложении 2.

© Штейнберг И. Е., 2021

© Залесский П. К., наследники, иллюстрации

© Дмитриев А. С, иллюстрации

© АО «ВЦИОМ», 2021

* * *

Илья Штейнберг и Теодор Шанин, Москва, декабрь 2019 г.

Теодору Шанину, учителю и другу

Введение

Метод «длинного стола» – довольно странное название, не так ли? У стола не может быть метода, какой бы формы он ни был. Однако мы знаем немало примеров, когда метод получает наименование, связанное с неодушевленными предметами. В этих случаях название отражает определенное свойство предмета, которое используется в методике. Например, «снежный ком» – способ формирования выборки. Ком растет при движении из-за налипания новых слоев снега – что-то похожее происходит, когда поиск информантов идет от одного к другому, по рекомендации.

Название метода групповой работы «длинный стол» появилось случайно, но сумело прочно закрепиться в практике проведения качественных социологических полевых исследований. Думаю, с ним произошла та же история, что и с самим термином «качественные методы», который давно прижился в социологии. Вне профессиональной среды можно услышать мнение, что такое наименование больше подходит для рекламы, потому что «качественные» воспринимается как синоним слов «хорошие» или «отличные». Однако у нас они называются качественными, чтобы противопоставить их количественным методам, где приоритет отдан формализации всех процедур и отражению результатов исследований в цифрах.

Тем не менее говорят, что случайности не случайны, и тот факт, что первый стол, за которым мы начали обсуждение программы исследования в 1990 г., оказался не круглым, не овальным, не квадратным, а именно длинным, наверное, тоже был неслучайным. Длинный стол, как правило, бывает в мастерских, больших кухнях, студиях, то есть там, где предполагается совместная работа по изготовлению конкретного продукта своими руками. Длинный стол используют для коллективного празднования значимого события, когда хотят, чтобы гости лучше узнали друг друга за совместной трапезой и были объединены общей целью. Для встреч и совещаний, знакомства, непринужденного общения, обсуждения различных вопросов и проблем, разделения на команды подходят столы разной формы. Но для взаимодействия группы, создающей общий проект, где отдельные части программы исследования, полученные результаты и выводы нужно сложить в одно целое, образ и метафора «длинного стола» подходят, на мой взгляд, как нельзя лучше.

Книги о качественных методах в социологическом исследовании похожи на самоучители по овладению практическими навыками игры на музыкальных инструментах, по вождению автомобиля, по иностранными языкам или по освоению какого-либо вида спорта. Можно сказать, что и эффективность этих пособий вполне сравнима: как показывает опыт, лишь небольшая часть тех, кто взял в руки подобный самоучитель или книги с многообещающими названиями «Как провести глубинное интервью или фокус-группу» или «Наблюдение – это просто», способны самостоятельно овладеть этими навыками для практического применения.

Среди очевидных причин низких результатов самостоятельного освоения навыков проведения качественных исследований выделяются две основные. Во-первых, это длительный временной разрыв между получением знаний о методе и практикой по формированию и закреплению умений и навыков их использования. Во-вторых, это невнимание ко многим необходимым элементам подготовки полевого исследователя, которые необоснованно считаются лишними опциями для овладения методом. Для сравнения можно привести пример из области автовождения. Запустить мотор, тронуться с места, затормозить – это практические навыки, но также важны соблюдение правил дорожного движения, умение провести мелкий ремонт на дороге, прохождение технического обслуживания, знание прочих писаных и неписаных норм и правил, которые входят в практику автолюбительства. Нужно учитывать ограничения по слуху и зрению, которые можно компенсировать очками или слуховым аппаратом, а еще необходимы определенный уровень развития внимательности, скорости реакции, самообладания. Точно

так же навыки формулировки вопросов, интервьюирования, наблюдения и анализа данных – это только часть умений и навыков, которые постепенно складываются в практику проведения полевого исследования качественными методами.

Казалось бы, для практического освоения наблюдения или проведения исследовательского интервью нет никаких препятствий. Способность делать выводы о мотивах поступков знакомых и незнакомых людей и, отчасти, предсказывать их поведение появляется у ребенка в процессе социализации, как и навыки ведения беседы, умение наблюдать за окружающими. Как правило, никто не отказывает себе в наличии любознательности и коммуникабельности, в умении понять собеседника и прочих замечательных личностных характеристиках. Как шутят сотрудники служб по работе с персоналом, никогда человек не бывает так близок к совершенству, как во время интервью перед приемом на работу. На этой основе возникает иллюзия простоты использования метода, хотя, казалось бы, здесь должно сработать понимание, что все мы можем петь, но любитель караоке отличается от артиста эстрады.

В 1999 г. вышла книга «Качественные методы в полевых социологических исследованиях». В ней мы вместе с Евгением Ковалевым обобщили опыт использования качественных методов в междисциплинарных исследованиях российского села под руководством профессора Манчестерского университета Теодора Шанина, которые начались в октябре 1990 г. Написание этой книги совпало с нашим сотрудничеством с Московской высшей школой социальных и экономических наук, известной сейчас как «Шанинка». В этом удивительном учебном заведении была создана отличная научная университетская библиотека, соответствующая всем лучшим мировым стандартам, с прекрасным англоязычным фондом книг и журналов по гуманитарным дисциплинам, в том числе по социологии. Благодаря ей нам удалось соотнести свой личный полевой опыт со всеми основными научными работами по качественным методам исследования, написанными на тот момент.

К тому же в те годы в школе был уникальный преподавательский состав. Достаточно сказать, что лекции и семинары по методологии социологических исследований нам читали известные отечественные социологи Владимир Ядов, Геннадий Батыгин, Ольга Маслова, Татьяна Заславская, Вадим Радаев, Александр Филиппов, Александр Крыштановский. Была возможность встретиться с зарубежными учеными мирового уровня, например, с Майклом Буравым и Джеймсом Скоттом, известными своими исследованиями, в которых использовался качественный подход.

Так получилось, что вышедшая книга вызвала интерес социологического сообщества, ее цитировали, включали в списки обязательной и дополнительной литературы в вузах, а меня стали приглашать обучать полевым исследованиям будущих и состоявшихся социологов, желающих повысить квалификацию. Однако итоги преподавания меня разочаровывали: это было похоже на обучение плаванию с непредсказуемым результатом. Продолжая метафору: я, как мог, учил слушателей держаться на воде, объяснял технику разных стилей плавания, даже проводил практические занятия. Но когда они начинали плыть самостоятельно, из десяти с большим трудом вернувшихся на берег только один или два участника занятий показывали что-то похожее на то, чему я пробовал их учить. А ведь обычно, те, кто не умел плавать, пройдя обучение под руководством тренера, уверенно держатся на воде и даже плывут усвоенным стилем.

Это значит, что существуют эффективные методики обучения плаванию и другим навыкам, а у меня такой не было, хотя мне казалось – она есть, и я делаю все так же, как в экспедициях. Пришлось вернуться к более внимательному изучению материалов наших рабочих встреч. Помогло то, что одна из участниц нашего проекта, Ольга Фадеева, социолог из Новосибирска, во время рабочих встреч вела подробные протоколы. В той книге они были использованы как иллюстрации к методу групповой работы по проведению исследования.

В чем мне виделась проблема создания методики обучения качественным методам? В первую очередь это сложность объяснить, что опыт повседневного общения может не только

пригодиться для проведения интервью, но даже помешать ему, так как возможен перенос сложившихся навыков и стереотипов житейского общения на процедуры исследовательского интервью и наблюдения, которым надо обучаться. Неслучайно шекспировский Гамлет упрекнул старого университетского товарища Гильденстерна в том, что тот отказывается играть на флейте, не умея извлекать из нее звуки, но пытается играть на чувствах собеседника, очевидно, полагая, что они проще музыкального инструмента¹.

Учебная практика, которая проводится после лекций и семинаров по качественным методам в вузах или на многочисленных онлайн-курсах повышения квалификации, тоже не вполне подходит для формата метода «длинного стола», так как дает очень немного из необходимых практических навыков для самостоятельной полевой работы. Очевидно, что нужен был особый подход, который, с одной стороны, опирался бы на опыт проведения полевых исследований с помощью этого метода в реальных проектах, а с другой – учитывал особенности обучения слушателей на курсах повышения квалификации или студентов вуза.

В этой книге предпринята попытка обобщить *многолетний* опыт обучения практическим навыкам проведения полевых социологических исследований методом «длинного стола», который позволяет достигнуть приемлемого уровня понимания особенностей данного подхода. В статье, посвященной десятилетию исследований российского села в 1990–2001 гг., Теодор Шанин подчеркнул, что успешная реализация крестьяноведческих исследовательских проектов во многом обязана «методу подготовки, взаимной поддержки, взаимопроверки и коллективного вклада в развитие программы исследования, названного методом „длинного стола“ – по месту и характеру проводимых встреч и совместной работы коллектива исследователей»².

Метод «длинного стола» как пространство сотрудничества исследователей предполагает установление рабочих отношений взаимопонимания, взаимовыручки и слаженных действий всех его участников. Однажды возникнув, эти отношения начинают подталкивать участников «длинного стола» к поискам соответствующей формы организации взаимодействия, которую называют командой, коллективом или рабочей группой. Для описания того, что я наблюдал в своей практике проведения «длинных столов», больше подходит некий симбиоз «артели» с «оркестром». Александр Герцен в работе «Крещеная собственность» определял артель как объединение свободных людей одной профессии для получения прибыли общими силами. Владимир Спиваков, создатель известного коллектива музыкантов «Виртуозы Москвы», заметил, что оркестр – это когда один музыкант, например, скрипичной группы, не только слышит другого, но еще и покрывает его недостатки. Вот такая «*оркестровая артель*» больше всего соответствует тем отношениям сотрудничества, которые возникают за «длинным столом» как методом групповой работы.

---

¹ Шекспир В. Гамлет. Акт III. Сцена II // В. Шекспир. Трагедии. Сонеты / пер. Б. Пастернака. М.: Художественная литература, 1968. С. 190.

² Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / Дж. Скотт, Т. Шанин, О. Фадеева и др.; под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН: РОСПЭН, 2002. С. 69.

Но надо понимать, что «артельно-оркестровые» отношения между участниками «длинного стола» не возникают сами собой. Их нельзя построить, однако они могут вырасти со временем, если создать необходимые условия. Участники пройдут различные стадии полевого исследования, испытают «кураж» и «мандраж» перед выходом в «поле», почувствуют «полевой шок» от столкновения с иными взглядами, представлениями и поведением людей. Эти этапы подробно описаны в книге, вплоть до интерпретации и анализа полученных результатов и отражения их в отчете и презентации.

Полевое качественное исследование состоит из трех этапов: «до поля», «в поле» и «после поля». Прохождение этих стадий – не линейный процесс, так как на каждом этапе возможен возврат на предыдущий. Исследователь может «после поля» вернуться к замыслу исследования, к первоначальным гипотезам и ключевым вопросам и снова пойти в «поле», чтобы найти недостающие данные. Но при формировании умений и навыков полевой работы для самого исследователя этот процесс носит циклический характер. Читатель познакомится с восемью стадиями этого цикла: каждая имеет свои особенности и требует подготовки, которую осуществляет «длинный стол» с помощью последовательных занятий, соответствующих каждой фазе.

Критики качественного подхода в социологических исследованиях обычно отмечают слабую формализацию процесса сбора первичных данных как один из критериев для негативной оценки метода. Однако это не означает отсутствия определенных логических схем, требований к соблюдению правил при проведении исследования, а также рекомендаций для создания и проверки гипотез, инструментария, интерпретации и анализа собранных данных. Читатель познакомится с этими рекомендациями в виде рецептов «длинного стола», которые используются в подготовке исследовательских проектов и их исполнителей. Среди них способ создания логической схемы отбора информантов для исследовательского интервью, которая называется «восьмиоконная модель выборки для качественного исследования», а также процедуры тестирования гипотез, ключевых вопросов, общая структура построения экспертных интервью.

Навыки полевой работы не даются легко. Путь приобретения знаний и навыков для меня и моих коллег в полевых исследованиях был долгим и непростым. Может быть, поэтому в честь юбилея сельских экспедиций Шанин посвятил нас в рыцари «длинного стола», вручив памятный знак с изображением герба с надписью «Рыцарям длинного стола. Пятилетие проектов исследования русских сел» и подписью «С благодарностью за совместный труд и дружбу. Теодор Шанин». Тогда мы восприняли это как шуточное поздравление участников экспедиции. Но спустя четверть века и после сотни «длинных столов», которые мне довелось провести, я уже не так уверен, что Теодор только шутил. Однажды мне попалась цитата из «Трактата о живописи» Ченнино Ченнини, художника, жившего на рубеже XIV–XV столетий. Смысл одной из десяти заповедей из этого трактата заключается в том, что, если живопись тебя не любит, твоя любовь к ней не поможет. Социология, как и другие дисциплины, тоже, условно говоря, ожидает, что ей докажут свою любовь «рыцарскими» поступками в ее честь, чтобы она ответила взаимностью. Когда Теодор Шанин говорил нам, что вежливость – это не только правила приличия, но и метод исследования (уважение к позиции собеседника, признание его права на собственное мнение, потому что в социальном мире действуют «не законы природы, а законы человеческие»), в этом было что-то рыцарское.

Немаловажной деталью «длинного стола» была атмосфера, где юмор и шутки приветствовались и культивировались. Не только потому, что много глупостей совершается с самым серьезным выражением лица, как говорил главный герой фильма «Тот самый Мюнхгаузен», а потому, что в творческом процессе юмор помогает раскрепоститься для поиска новых идей или подходов. Он также обеспечивает необходимую дистанцию между исследователем и предме-

том исследования для сохранения беспристрастности и помогает спокойнее переживать неизбежные неудачи. Известно высказывание Петра Капицы: «Наука должна быть веселая, увлекательная и простая. Таковыми же должны быть и ученые»³. Конечно, хотелось бы видеть науку такой, но как добиться того, чтобы за простотой и веселостью не потерять знание? Как сделать то сложное, что есть в качественных методах исследования, простым для понимания, найти увлекательное в рутинных практиках сбора и анализа данных? Но сам Теодор Шанин любил повторять, что «невозможного нет – есть только трудное». Поэтому читатель найдет в книге веселые картинки, иллюстрирующие серьезные методические тексты, шуточные и образные названия кодов, приемов и упражнений по развитию навыков применения методов на практике, а само описание сделано ироничным, как это было принято за длинным столом. Так, читателю предстоит познакомиться с анимализмами в названиях методических заданий и упражнений, например, с «утиным» и «ежиным» тестами по развитию специфических и неспецифических навыков, необходимых в полевой работе исследователя.

Большинство существующих программ обучения качественным методам исследования нацелены в основном на формирование специфических навыков. Например, это умение подготовить вопросник (гайд) для интервью, поиск нужных для задач исследования информантов, проведение интервью или наблюдения, анализ результатов, подготовка отчета.

Неспецифические навыки исследователя, как правило, остаются вне рамок этих программ, но именно они определяют возможность применения методов на практике и этапы их освоения. Неспецифические навыки – это своего рода ОПП (общая полевая подготовка) разработанная по аналогии с ОФП (общей физической подготовкой), без которой немислимы любые виды спорта. Но почему-то никто не требует от человека крутить «солнышко» на турнике, если он не умеет стоять на руках и подтягиваться хотя бы 20 раз. Неспецифическими навыками для овладения элементами ремесла исследователя-качественника являются определенный уровень развития рефлексии, критико-аналитического мышления, социологического воображения, наблюдательности, беспристрастности в оценке фактов. Эти навыки в разной мере есть у всех, и развиваются они так же, как физические навыки в спорте – соответствующими упражнениями, которые создают необходимую нагрузку. Приведем для примера упражнение по развитию рефлексивности – «Конгруэнтность Роджерса», упражнение по развитию критико-аналитического мышления «Инструментальный ящик исследователя» или «тесты» на социологическое воображение: «Big Data в рекламе» и «Спроси у прохожего дорогу».

Можно сказать, что равным по значимости предметом исследования по методу «длинного стола» одновременно является и сам ученый как личность, с присущими ей особенностями восприятия информации, стиля общения, представлений о предмете исследования, сформированными предыдущим опытом и имеющимися знаниями, то есть то, что принято называть субъективизмом, влияющим на ход и результаты проекта. Интервьюер в глубинном интервью не может отключить свою субъективность в процессе общения с информантом, как ненужную опцию в гаджете. Влияние интервьюера на собеседника неизбежно, и есть только одна возможность что-то сделать со своей субъективностью – осознать ее, постараться контролировать, и лучше всего это получается в группе, когда исследователь сталкивается с иными выводами, интерпретациями первичных данных и другими представлениями о причинах поведения информантов.

Например, мы сознаем важность нахождения общего языка с собеседниками в ходе интервью. Но если не отшлифованы навыки обретения общего языка между участниками проекта, если нет уверенности, что такой язык существует в рабочей группе, потому что непонятно, какие признаки свидетельствуют о его появлении, то есть риск, что аналогичные про-

---

³ Капица П. Л. Из письма к А. А. Капице 10 марта 1935, Москва // Капица П. Л. Письма о науке. 1930–1980. М.: Московский рабочий, 1989. С. 9.

блемы могут возникнуть и в разговоре с информантами. Скажем, интервьюер не уточняет, что собеседник имел в виду, употребляя термины «власть», «свобода», «доверие», полагая, что тот понимает эти слова так же, как сам исследователь.

Способов освоения качественных методов исследования много. Можно сравнить этот процесс с подъемом в гору, где к заветной вершине ведут разные тропы. Это и традиционная учебная программа (лекция – семинар – учебно-производственная практика), и тренинги отдельных элементов качественного подхода, таких как выдвижение и проверка гипотез или метода анализа качественных данных, и занятия, использующие театральные постановки, где проигрываются роли интервьюеров, наблюдателей и информантов. Метод «длинного стола» – один из таких маршрутов. Идея одновременного развития специфических и неспецифических навыков для проведения полевого социологического исследования непосредственно в его процессе не революционна. Можно вспомнить старые добрые традиции формата *studio*, распространенные в мастерских средневековых художников, в учебно-производственном обучении на заводах и фабриках, в наставничестве на рабочем месте, которое сегодня называют «супервизией».

Чтобы эти традиции начали работать при овладении конкретным ремеслом, недостаточно иметь набор техник и различных, как сейчас говорят, «лайфхаков» по их применению. Нужна обучающая система, подобная системе Станиславского, где из актерского искусства выделяются элементы ремесла, которым можно научить, или эффективным курсам иностранных языков, где в основе лежит обучение базовым языковым навыкам и алгоритмам их применения для последующего совершенствования.

Такой системой и является метод «длинного стола». Возможно, есть другие, и дело не в том, что они лучше или хуже предлагаемой в этой книге. У читателя, уверен, есть возможности для сравнения. В любом случае, как показывает практика, в деле обучения любому ремеслу даже плохая система лучше, чем ее отсутствие.

Однако «длинный стол» не смог бы стать обучающей системой, сохраняющей и развивающей традиции «школы Теодора Шанина», без помощи моих коллег, роль которых трудно переоценить. Моя первая благодарность моему коллеге и другу, соавтору нашей первой книги по качественным методам Евгению Ковалеву, с которым мы вместе пытались осознать методический опыт, полученный в экспедициях под руководством Теодора Шанина. Спасибо завкафедрой социологии СГПУ Марине Филипповой – в 2006 г. она первой дала возможность своему докторанту попробовать провести «длинный стол», призванный помочь четырем аспирантам кафедры в осуществлении своих диссертационных исследований. Благодарю руководителей факультетов и кафедр социологии Дмитрия Рогозина и Виктора Вахштайна (МВШ-СЭН), Ирину Козину (ВШЭ), Антона Смольки на (РАНХиГС), Нину Щукину (Самарский ГУ), Римму Чиркину (МГППУ), которые в свое время решились на эксперимент по интеграции этой специфической исследовательской практики в учебный процесс в формате спецкурса и практикума по качественным методам полевого исследования.

Но «длинный стол» создан для полевых исследований, и без них развитие метода было бы невозможно. Нужны были конкретные исследовательские проекты, где одновременно решались бы две задачи: получение значимых результатов и повышение квалификации участников. Нужен был реальный заказчик реального исследования, который бы поставил задачу, а потом оценил результат, чтобы участники проекта смогли научиться трансформировать желания клиента в цели и задачи полевого исследования и получать внешнюю «рецензию» на свои действия. Это стало возможным благодаря нашим социологическим организациям, их руководителям и сотрудникам, которые были озабочены не только результатами исследования, но и профессиональным ростом тех, кто его проводит. Такой подход требует терпения и «эйнштейновского» понимания того, что «метод важнее открытия», а специалисты, им владеющие, способны совершить еще много других открытий. Одной из первых была Елена Петренко (ФОМ),

которая в 2008 г. поставила задачу понимания механизмов формирования и функционирования самоорганизации населения внутри гражданского общества как фактора его развития. Это привело к возникновению рабочей группы исследователей из разных городов – «Социоартели», которая, по мнению заказчика, справилась с обеими задачами.

Благодаря Михаилу Рожанскому и всему коллективу Иркутского ЦНСИО появилась возможность регулярного проведения «длинных столов» как в самом центре, так и в рамках ежегодной «Байкальской школы социальных исследований». Неоценимую методическую помощь оказали сотрудники Питерского ЦНСИ во главе с Виктором Воронковым. Без них второе переиздание нашей книжки по качественным методам не увидело бы свет. Важную роль для становления «длинного стола» как обучающей системы имели первые «северные проекты» от Тюменского научного центра СО РАН, куда меня пригласили Михаил Агапов и Вера Клюева. Благодаря Валерию Федорову, Наталье Седовой и Михаилу Вядро было устроено несколько «длинных столов» во ВЦИОМ для организации и проведения полевых экспедиций.

Такая возможность была предоставлена не только исследовательскими центрами, но и благотворительными фондами. Хочется поблагодарить Эльвиру Гарифулину и Татьяну Подушкину за возможность попробовать «длинный стол» на темах доказательного социального проектирования фонда Тимченко, Ольге Заводилкиной из фонда «Вера. Надежда. Любовь» – на темах сиротства и адаптации в обществе детей с ограниченными возможностями.

Особая благодарность Сергею Кухтерину и всем сотрудникам организованных им «кухтеринских курсов», которые с 2006 г. и до сих пор являются главной методической площадкой для «длинного стола», где с помощью участников из разных городов России и СНГ, приезжающих на эти курсы повышения квалификации, были решены основные задачи методики как системы по обучению качественным методам в социологических полевых исследованиях.

Невозможно переоценить роль Анны Кулешовой, выпускающего редактора книги. Анна проявила изрядную настойчивость, взяв на себя необходимые организационные моменты, чтобы книга смогла выйти в свет, невзирая на трагические трудности, с которыми пришлось столкнуться при ее подготовке.

Дело в том, что с «веселыми картинками» все оказалось совсем не весело. Изначально их рисовал известный социолог Петр Залесский. Прекрасно зная материал, он без труда не только создавал юмористические и запоминающиеся образы, но и объяснял то, что сложно выразить словами. Петр Залесский активно включился в задачу по переводу слов в визуальные образы, она стала его отдушиной и воплощением давней мечты.

Но в июне 2021 г. Петр Карлович трагически и внезапно ушел из жизни, не закончив отрисовку книги. Встал вопрос – полностью изменить концепцию издания или попытаться найти иллюстратора, способного и готового продолжить работу Петра Карловича Залесского.

Среди учеников Теодора Шанина Анна Кулешова встретила Александра Дмитриева, незаурядного и талантливого человека, в котором соединились социолог, архитектор искусственного интеллекта, художник и популяризатор науки. В память о Теодоре Шанине он согласился завершить иллюстрирование книги.

Вот так вышло, что на страницах издания встретились два социолога-художника.

А как не вспомнить коллег, своими советами и комментариями помогших автору решить многие задачи по более доходчивому для читателя описанию метода «длинного стола»? Среди них особенно хочется отметить уже упомянутых Евгения Ковалева, Наталью Седову и Веру Клюеву, которые не пожалели своего времени для внимательного прочтения текста.

Хочется сказать отдельное спасибо всем участникам «длинных столов», благодаря которым методика совершенствовалась, появлялись новые метафоры и образы, а обратная связь показала, что «система» действительно существует и дает неплохие результаты. Перечислить всех поименно – сложная и почти невозможная задача, а назвать нескольких и забыть о других мне бы не хотелось. На страницах книги звучат их живые голоса, вопросы, рассуждения,

описаны случаи из полевой практики, которыми они щедро делились за нашими «длинными столами».

И, конечно, написанием книги о методе «длинного стола» я обязан прежде всего Теодору Шанину – другу, учителю. Он все эти годы следил за развитием метода, приходил на рабочие встречи, давал мне ценные советы. А самое главное, взял с меня слово, что я напишу про наш «длинный стол», и не давал об этом забыть. Обещание я выполнил, результат перед вами.

Со времен Огюста Конта, Эмиля Дюркгейма и Георга Зиммеля главный вопрос социологии – «Как возможно общество?». Перефразируя классиков, скажем, что для автора этой книги главным был вопрос «Как возможен исследователь этого общества, который выбрал для своей работы качественные методы?».

Глава 1. Как и зачем появился метод «длинного стола»?

Три этапа создания метода «длинного стола»

Историю появления метода «длинного стола» можно условно разделить на три этапа: 1) крестьяноведческий, 2) монографический, 3) студийный.

Первый, **крестьяноведческий этап** создания учебно-производственной системы подготовки и проведения качественных полевых социологических исследований связан с уникальными междисциплинарными проектами «Социальная структура села СССР» (1990–1995 гг.) и «Реальная экономика и реальная политика российских деревень» (1996–1997 гг.), руководителем которых был Теодор Шанин. В этих «сельских» проектах ученый использовал оригинальный способ подготовки исследователя в процессе проведения самого исследования, который в дальнейшем оформился в метод «длинного стола»⁴.

В первой экспедиции 1990–1995 гг. исследователи в течение трех лет находились в российских селах, причем в каждом из них должны были проживать восемь месяцев, а потом еще несколько лет занимались анализом собранных данных, писали статьи и монографии, участвовали в конференциях. Такая долговременная экспедиция, как я теперь ее оцениваю, была естественным и нормальным для серьезной научной работы форматом исследования и удивительной школой в научном и человеческом смысле для всех ее участников.

Моя первая встреча с Теодором вызвала гамму разнообразных чувств, среди которых главенствовали изумление и растерянность. Это был наиболее свободный человек из тех, кого я встречал, он обладал кантианской «автономностью мышления» – «мужеством пользоваться своими мозгами». С первых минут общения с ним стало понятно, что он хочет, чтобы и мы пользовались своими.

В 1989 г. в подмосковном доме отдыха «Березки» Теодор рассказывал нам, приглашенным из разных вузов и НИИ, о замысле крестьяноведческого исследования. Говорил о возрождении школы ученых-аграрников, особенно А. В. Чайнова, упоминал неизвестные мне имена основателей организационно-производственной школы Н. П. Макарова, С. Л. Маслова, А. Н. Челинцева, рассказывал о динамических исследованиях, о земской статистике, об этнографическом вживании в сельскую среду, где нужно стать почти незаметным, «как муха на стене», о том, что в каждом селе мы должны провести полный цикл сельскохозяйственной жизни, с апреля по апрель, и т. п.

Мы молча слушали. Внезапно Шанин произнес: «Коллеги, я не пойму, что происходит. Почему вы не спрашиваете меня, зачем мы будем это делать?». Мы пожали плечами и ответили, что нам понятно, зачем: «Под вашим руководством проведем это большое и важное исследование, напишем научно-практические рекомендации для повышения производительности труда в сельском хозяйстве, улучшения сельского образа жизни» и пр. «Кому

---

⁴ См. Фадеева О. П. Истории социологических исследований сельской жизни в России 1990–1995 гг. и 1995–1996 гг. // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник / под ред. В. П. Данилова, Т. Шанина. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 301–315; Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России / под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН: РОССПЭН, 2002.

рекомендации?» – тихо спросил Теодор. «Как – кому? Понятно, Министерству сельского хозяйства, Госплану, отделу ЦК партии, правительству». «То есть чиновникам?» – уточнил Шанин. Почему-то тогда товарищи из этих институций не ассоциировались со словом «чиновник», и мы недоуменно переглядывались, пытаясь понять, чего хочет от нас этот наголо бритый англичанин. «Нет, коллеги, – сказал он, – мы это делаем, чтобы найти истину. Понять, как все устроено, как работает».

Это стало для меня откровением, потому что целями исследования всегда считались рекомендации для «подъема народного хозяйства», а задачами – изучение «социально-экономических проблем». А здесь наоборот: цель – истина, а рекомендации – одна из задач, причем не главная.

Мне кажется, что «длинный стол» появился спонтанно, под влиянием сложившихся обстоятельств. Во-первых, исследование уже стартовало, но исследователей, которые бы могли решать поставленные задачи междисциплинарного характера, не было. За один стол в 1990 г. для обсуждения целей и задач проекта сели одновременно около 20 человек. Это были экономисты, социологи, историки, психолог, географ, филолог. Все с различным опытом полевой работы и слабым представлением об этнографических методах исследования, где в центре стоит «вживание» ученого в «поле»; не у всех были навыки работы с бюджетом семьи, бюджетом времени, представления о методах наблюдения, биографического интервью и пр. Нужно было не только ликвидировать дефицит навыков использования методов различных дисциплин, но и преодолеть пробелы в знаниях о мировом опыте изучения социально-экономических проблем села и конкретно основ крестьяноведения.

Но наша недостаточная для такого исследования подготовка не была единственной причиной появления «длинного стола». Второй и главной, на мой взгляд, была политическая и социально-экономическая ситуация – начало социальной аномии «лихих девяностых». Мы, по выражению Шанина, «начали экспедиции в СССР, а закончили в РФ». В обстановке галопирующей инфляции, дефицита всего необходимого для нормальной жизни, начала имущественного расслоения населения, перехода в частную собственность земли и имущества колхозов и совхозов, беспомощности закона, проникновения в обычное право криминальных понятий и т. д., динамические исследования и другие инструменты, предложенные Теодором Шаниным в начале проекта, не могли быть применены. Нужно было переходить на «ручной режим», действовать по обстановке, проявлять максимальную самостоятельность и гибкость в подходах на местах и создавать новый инструментарий исследования, который был бы адекватен не просто «текучей реальности» Зигмунта Баумана, а тому бурному яростному потоку, который захлестывает все вокруг, когда вода прорывает плотину. В нашем случае плотина называлась «застоем», а поток – «перестройкой». Он ослаблял социальные связи между родственниками и друзьями, размывал прежние ценности, нормы и традиции. Мы увидели жизнь, где процессы перемен в разных слоях населения протекали с огромной разницей в скорости, а приток сельчан в города превысил все, что мы могли себе представить. Мы стали свидетелями стремительного появления новых богатых и новых бедных, когда их прежний статус, возраст, опыт, образование не имели решающего значения. В этом невероятном исследовательском «поле» мы столкнулись с полной неопределенностью, причем не только будущего, но настоящего и даже прошлого.

Думаю, что все эти обстоятельства определили формат наших встреч за «длинным столом». Как правило, они состояли из трех частей: 1) мини-лекция от Теодора по методологическим вопросам исследования или сообщения коллег по специфическим вопросам теоретического или методического характера; 2) отчеты рабочих групп проекта по местам их дислокации; 3) «профсоюзное собрание», где обсуждались технические и бытовые вопросы

организации экспедиции. После «длинных столов» Шанин проводил индивидуальные беседы с каждым участником проекта по личным вопросам.

Сегодня у меня есть все основания полагать, что главное, чему нас научил «длинный стол» Теодора Шанина, – это работа с неопределенностью. Можно было наблюдать, как от встречи к встрече за «длинным столом» не только росла квалификация участников как исследователей, но – главное – изменялся способ мышления. Потому что научиться изучать неопределенность, принять ее как отправную точку исследования можно главным образом за счет отказа от укорененной в сознании привычки рассматривать жизнь как линейный процесс, как цепочку причин и следствий, игнорируя циклические взаимосвязи глубоких системных отношений. У Теодора Шанина это выражалось в стремлении сформировать «нелинейный способ мышления», последовательном отстаивании двух основных принципов работы «длинного стола»: «ни у кого нет монополии на истину» и «иное всегда дано». Это означало циклический характер освоения навыков, с помощью которых получают научное знание: то есть возврат к полученным знаниям на новом уровне, постоянный поиск альтернативных способов решения исследовательских задач. Такой сдвиг в способе мышления не достигается только освоением набора обучающих технологий, приобретением суммы знаний о предмете исследования и методах его изучения. Даже практические навыки сбора и анализа эмпирических данных, связанные, как правило, с большим опытом, не гарантируют изменения привычной методики рассуждений.

Спустя много лет после окончания этого проекта, когда я сам стал проводить «длинные столы», пришло осознание, что моя деятельность по сути – заявка на создание обучающей системы, учитывающей фазы полного цикла исследования. Как в системе Станиславского, здесь присутствуют элементы ремесла, доступные для освоения практически всем желающим, заинтересованным в получении знаний и умений. Дальнейшее развитие зависит от меры соответствующих способностей и стремления стать мастером.

Второй, **монографический этап** был связан с работой над текстами статей и двух монографий по качественным методам исследования. Это помогло полнее осознать и структурировать накопленный опыт, пополнить теоретический багаж по методологии качественного подхода, сравнить разработанные в ходе наших экспедиций способы организации полевых исследований, методов наблюдения и интервьюирования с методами коллег как в России, так и за рубежом.

Важно отметить, что монографический этап становления метода «длинного стола» связан не только с самим процессом написания книг и статей – большое значение имели отзывы об этих работах научного сообщества социологов и всех, кто использовал качественные методы в маркетинге, социальной работе, в консалтинге, в сфере политики и бизнеса. К нашему удивлению, эти работы были восприняты многими читателями как учебное пособие, несмотря на то, что там отсутствовали упражнения и проверочные вопросы, а стиль изложения был далек от формата учебника. Однако в предисловии ко второму изданию, которое вышло спустя восемь лет, известный отечественный социолог Ольга Маслова пишет: «Книга разошлась во множестве ксерокопий, выборочных и полных, сканирована для вузовских социологических учебных „ящичков“ электронной почты. На нее ссылаются в кандидатских и докторских диссертациях. Словом, в отечественной социологии она явно „пришлась ко двору“ и в преподавании, и в развитии качественной методологии»⁵. Я стал получать письма, авторы которых благодарили за то, что наша книга помогла им подготовить и провести качественное исследование. Появились приглашения преподавать качественные методы, обучать им студентов и даже исследователей с полевым опытом в различных проектах.

---

⁵ Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб.: Алтейя, 2009. С. 5

Третий, **студийный этап** развития метода «длинного стола» начался с обнаружения серьезной проблемы. Несмотря на позитивные отзывы, я не был удовлетворен результатами своего преподавания. Расспросив более полусотни читателей и слушателей моих курсов о том, как они готовятся к полю, как собирают первичные данные, как их анализируют, как описывают результаты, понял, что большинство из них так и не усвоило основные принципы «длинного стола» и не использует наш опыт и советы в своей практике.

Это привело меня к мысли, что надежного способа обучения качественным методам пока нет. Тогда я не понимал, что «длинный стол», описанный в нашей книге, изначально был предназначен для подготовки профессиональных групп в формате длительных полевых экспедиций. При переносе метода в исходном виде в формат индивидуальных исследований, а тем более учебных занятий, его могли освоить только единицы, а именно практики с богатым опытом проведения интервью, фокус-групп, наблюдений и хорошо развитыми неспецифическими навыками рефлексии, аналитического мышления, беспристрастности и пр.

Среди причин моего педагогического фиаско в системе вузовского образования можно выделить три основные.

1) Дефицит времени для перевода знаний в практические навыки. В реальном исследовании, как правило, отсутствует отдельная задача подготовить того, кто будет его проводить, а у руководителя и специалистов нет достаточного времени для передачи знаний и навыков новичкам. В лучшем случае все ограничивается работой над ошибками, когда они возникают. Иными словами – отсутствует система подготовки, а успех неопытного в основном зависит от степени его стремления освоить метод и приобрести опыт, а также от желания, педагогических способностей и навыков передачи знаний и умений у опытных участников проекта.

2) Оторванность теории от практики. В вузе это происходит из-за рамочной концепции образования, то есть веры в то, что в условиях учебного курса можно научить методу, а затем закрепить его использование производственной практикой, обычно летней или преддипломной. Это все равно, что читать лекции по меткой стрельбе, а вывести учеников на стрельбище через полгода.

3) Отсутствие обучающих технологий по развитию неспецифических навыков. Нужно что-то вроде ОПП (общей полевой подготовки) для освоения профессиональных элементов ремесла. Призывы быть эмпатичными, рефлексивными, объективными и пр., без объяснений, как этого достичь, и закрепления этих качеств на практике так и остаются призывами.

Итак, стало очевидно, что научиться использовать качественные методы можно, только применяя их в конкретном исследовании, совершая неизбежные ошибки и исправляя их – желательно, с помощью наставника.

Пришлось вернуться к архивам наших экспедиций и посмотреть, что делал Шанин для сокращения разрыва между тем, что мы знали о качественных методах, и тем, что делали на практике. Выяснилось, что он последовательно развивал наши неспецифические навыки в работе над проектом и использовал для этого сам метод исследования и его процесс. Например, развитие критико-аналитического мышления было построено на двух принципах, которые часто упоминаются в этой книге как принципы работы «длинного стола»: ни у кого из нас, включая самого Теодора, нет монополии на истину, и «иное всегда дано». В процессе работы во время обсуждения различных гипотез относительно интерпретации и анализа полученных данных или путей для поиска информантов, как правило, ни одно из предположений участников «длинного стола» не оставалось без внимания и без просьбы обосновать свою логику. Свои соображения ведущий высказывал либо в самом конце, либо присоединялся к высказываниям участников, объясняя свой выбор.

Первый опыт использования метода «длинного стола», где подготовка исследователей и проведение исследования были равнозначными задачами, связан с моей докторантурой на кафедре социологии, к которой я был прикреплен в Саратовском техническом университете

им. Ю. А. Гагарина в 2007 г., и ее руководителем Мариной Елютиной. Вместе с четырьмя аспирантами – А. Смолькиным, Т. Темаевым, С. Филипповой, А. Любецким – мы начали освоение качественного подхода в процессе проведения полевых исследований по темам их диссертаций. Вспоминая этот опыт, М. Елютина пишет: «Мне показалась интересной идея использования при проведении качественного исследования гибридной методологии, позволяющей сочетать индивидуальный научный поиск и коллегиальное обсуждение его траекторий, начиная с формулировки ключевого вопроса и кончая уточнением и корректировкой процедур и смысловых интерпретаций результатов. На мой взгляд, сейчас исследование любого социального феномена – трудоемкий процесс, обусловленный, с одной стороны, его многослойностью, противоречивостью, с другой – сложностью организации самого исследования. Я имела возможность наблюдать, как в ходе занятий растет градус заинтересованности аспирантов, как постепенно из фрагментарных представлений формируется четкая логика, умение увидеть предмет исследования с разных ракурсов, потребность в поиске новых способов объяснения фактов, как постепенно участники вживаются в роль исследователя. Совместный критический анализ результатов каждого исследователя позволяет существенно сократить разрыв между суждениями и реальной ситуацией»⁶.

Сами участники этого методического эксперимента спустя много лет по-разному отмечают наиболее важные для себя особенности тех занятий. Например, Антон Смолькин считает, что «самым полезным оказался даже не столько метод как таковой, сколько навык работы с материалом – что-то вроде способа обработки и упаковки данных. Было ощущение постепенного нащупывания в своей „заболоченной“ теме того самого скального грунта, на который можно уверенно опереться. Важен сам способ коллективного тестирования даже не текста программы исследования, а самого процесса ее создания (или деталей ее сборки). Метафорически – вместо мутного отражения в пыльном стекле тебе становится доступен зал со множеством зеркал и хорошим освещением. Мне кажется, именно для обучения это оптимальный метод, как ремесленная мастерская»⁷.

Другой участник, Тимур Темаев, вспоминает об этом опыте так: «Уникальность участия в данной школе-студии для меня заключалась в нескольких пунктах. Во-первых, в возможности выступить в роли самостоятельного исследователя, за спиной которого стоит коллектив, на чью помощь ты можешь опереться не только в момент анализа полученных результатов, но и в вопросах преодоления административных барьеров при проникновении к труднодоступным респондентам (в моем случае это осужденные в исправительных учреждениях). Ты осознаешь, что в школе-студии ждут твоих результатов, и это придает тебе дополнительные мотивацию и силы. Во-вторых, соучастие в исследованиях других членов коллектива позволяет расширить спектр взглядов на процесс формирования программы исследования и ее трансформацию, на роль интервьюера, на логику интерпретации результатов, на стратегии при написании финального отчета»⁸.

Потом в течение пяти лет в рамках курса качественных методов исследования «длинные столы» стали проводиться в Шанинке, на «кухтеринских курсах» в ИС РАН. Благодаря моим коллегам, перечисленным в предисловии, они проходят без перерыва больше десяти лет и в других учебных заведениях и исследовательских организациях.

---

⁶ Из переписки с автором, 2020.

⁷ Из переписки с автором, 2020.

⁸ Из переписки с автором, 2021.

Рисунок Петра Залессного

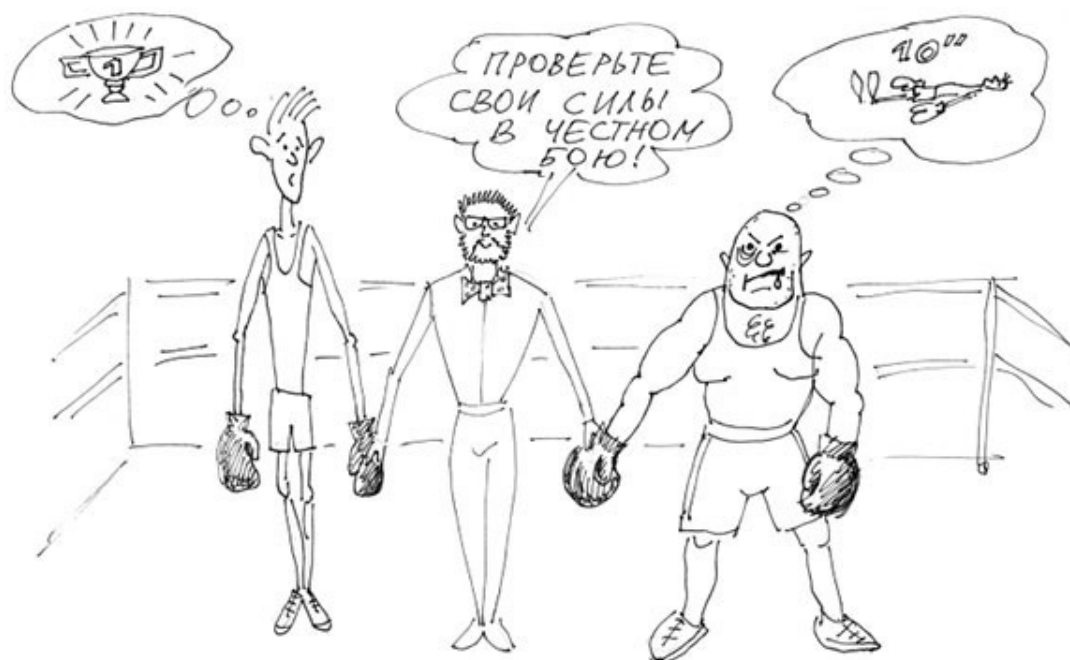
«УТИНЫЙ ТЕСТ» В ОТБОРЕ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

В моей далекой юности был объявлен набор в секцию бокса нашего заводского района. Нужно было не более 20 будущих спортсменов, но желающих научиться драться приходило по два десятка каждый день. Тренер использовал довольно болезненный способ отбора, который, по аналогии с птичьим двором, назвал «утиным тестом»: чтобы понять, кто утенок, а кто цыпленок, утка сталкивает в воду всех вместе – утята всплывают, цыплята тонут. Кандидату надевали перчатки, выставляли его против мухача – так называется боксер в самом легком весе – и просили показать себя. Противник претендента выглядел довольно хлипким, но был опытным боксером, который побить себя не давал, а, наоборот, довольно чувствительно доставал соперника точными ударами. Все заканчивалось тем, что по сигналу наставника мухач отправлял соперника в легкий нокдаун. После этого тренер спрашивал, не пропало ли желание заниматься боксом. Если претендент отвечал отрицательно, надо было встать и продолжить бой. Мы потом задали тренеру вопрос, зачем он устроил такой жестокий отсев. Он ответил, что может научить всему, кроме этого: имея в виду бойцовский характер, умение преодолеть боль и страх, а главное – мужество продолжать бой, несмотря ни на что.

Иными словами, тренер отбирал будущих боксеров по степени развития у них необходимых неспецифических навыков. Перечисленные им личностные качества бойца присущи всем в той или иной мере, но в данном виде спорта они, по его мнению, имеют решающее значение. В интервью с полевыми исследователями-качественниками о том, как они осваивали методы исследования, выяснилось, что многие из них встречались с «утиным тестом». Однако обнаружилось, что для большинства из них этот тест тоже был достаточно жестким и довольно сомнительным в отношении отбора наиболее способных к обучению учеников. Примером может служить рассказ одного из участников «длинного стола».

Из записи ДС:

Преподаватель, читавшая нам курс по качественным методам, сказала, что для усвоения необходима практика, надо провести интервью по теме, которая нам интересна. Предложили несколько тем, я выбрал что-то вроде «Гражданская позиция студентов нашего вуза». Мы должны были сами сформулировать вопросы, найти респондентов, провести с ними глубинное интервью, проанализировать и написать отчет. Важно было показать, что мы сумели использовать то, что она нам давала на своих лекциях и семинарах. Мотивировала нас тем, что тот, у кого интервью получится интересным, сможет поработать интервьюером в центре социальных и маркетинговых исследований, с которым у нее были связи. Мне эта задача показалась легкой: накидал десяток открытых вопросов, которые представлялись интересными. Кажется, про участие в выборах, в разных общественных инициативах, в волонтерском движении. Провел интервью среди своих знакомых студентов, даже с другого факультета опросил. Отчет написал, зачет получил, но в центр не пригласили. Не знаю почему – наверное, ничего интересного я не узнал, никто мне ничего не сказал. Одну девушку вроде бы позвали. Был потом семинар, где обсуждались какие-то правильные и неправильные вопросы, но не из моего интервью. А про результаты наших попыток ничего не говорили, или я не запомнил. Вот, если говорить об интервью, первый опыт у меня был таким.

Что выявляет такой «утиный тест», ставящий тестируемого в условия, к которым он не готов, чтобы посмотреть на его задатки исследователя, успешно освоившего методику интервью? Может, общую способность к обучению? Умение самостоятельно применить знания на практике? Но речь идет о методе, которому не обучали и о котором только рассказывали. Вопросы интервью должны отражать именно названное отличие, а это уже специфические навыки, связанные с социологическими целями и задачами исследования, с инструментами для выдвижения гипотез, формулирования вопросов, анализа интервью. То, что получилось в итоге, похоже на ситуацию, о которой предупреждал еще Конфуций: «Посылать людей на войну необученными – значит предавать их».

Традиционный подход к обучению способам практических действий в любом ремесле диктует нам, что тот, кто берет на себя ответственность научить методу, должен сделать три вещи. 1) Объяснить, для чего нужен данный метод, в каких случаях его применяют, как его использовать, почему надо действовать именно так и что будет, если нарушить принципы, на которых он основан. 2) Самому учителю продемонстрировать метод на конкретном примере, с раскладом на элементы и комментарием. 3) Дать ученику повторить то, что увидел и понял, с обязательной коррекцией неизбежных ошибок. Дальше уже идет закрепление умения на практике и превращение его в навык.

Специфические и неспецифические навыки, или Как приделать ручку к чемодану

В идеале «утиный тест» должен помочь выявить неспецифические навыки, которые нужны для практического применения качественных методов в социологическом исследовании. На мой взгляд, недостаточное развитие неспецифических навыков – одна из причин того, что обучение качественным методам часто сравнивают с «чемоданом без ручки»: нести тяжело и неудобно, а выбросить жалко. Действительно, владение практическими навыками выглядит как умение отыскать в своем арсенале подходящий, нужный для решения задачи инструмент и правильно, к месту, им воспользоваться.

Так вот, на занятиях по методу «длинного стола» выбор нужного инструмента из методического багажа и умение им пользоваться мы относим к специфическим навыкам, а то, что определяет эффективность и конечный результат их применения – к неспецифическим. Это та самая «ручка чемодана», без которой его тяжело нести.

В полевой практике отсутствие ручки у чемодана похоже на имитацию использования метода без достижения ожидаемого результата. Примером такого «культы карго» стала история, рассказанная одной из участниц «длинного стола».

Из записи ДС:

Л.Н. посещала курсы самообороны для женщин, поскольку жила в неблагополучном в криминальном отношении районе, где у нее отобрали смартфон, боялась повторного ограбления и хотела научиться себя защищать. Курсы вел опытный тренер, мастер рукопашного боя, прошедший «горячие точки» и обладающий всем арсеналом приемов самозащиты. В тот вечер Л.Н. возвращалась с очередной тренировки, где отрабатывали удар ребром ладони по сонной артерии потенциального злоумышленника. По случайному совпадению, именно в этот вечер недалеко от дома на нее напал грабитель: стал вырывать рюкзак, где были телефон, кошелек и прочие нужные вещи. Вместо того, чтобы безропотно, как в прошлый раз, отдать свое имущество, она неожиданно для себя развернулась и ударила нападавшего. Однако тот оказался амбалом размером со шкаф, и прием самообороны, проведенный девушкой весом менее 50 кг, не заставил его потерять сознание, а лишь привел в легкое замешательство. Грабитель рефлексивно отмахнулся, она отлетела, но, вскочив, в боевом раже опять двинулась на него. Не понимая, чего еще ждать от этого опасного существа, грабитель бросил рюкзак и убежал. В результате имущество было спасено, но у пострадавшей остались синяки от удара и падения.

Этот экстремальный пример вызвал дискуссию за «длинным столом» о том, что считать неспецифическими навыками для использования методов исследования.

Ведущий: Почему, на ваш взгляд, у Л.Н. получилась только имитация удара, который она отрабатывала на тренировке, и сработал (но мог и не сработать) только психологический эффект?

Участник 1: Мне понятно, я когда-то занимался. Если бы она раскалывала ребром ладони кирпичи, как ее тренер, то, поверьте, даже при весе в 40 кг это было бы, как удар ломом. Нужны были скорость, резкость, сила. Это физика, масса на скорость.

В.: Скорость, резкость, сила – неспецифические навыки, и они присущи всем. Но для выполнения этого технического приема нужен определенный уровень. Кто еще занимался спортом?

У. 2: Я, гимнастикой. Там тоже, пока не сядешь на шпагат, многие вещи никак не сделать.

В.: Вот, в нашем деле тоже: чтобы интервью или наблюдение у вас было не пустым, надо предварительно уметь «садиться на шпагат», иначе есть риск не провести интервью, а сделать только его имитацию.

У. 3: А разве от респондента это не зависит?

В.: Конечно, зависит, но его вы изменить не сможете, а себя можете. Я же говорю о снижении риска, а не о гарантии успеха.

У. 4: Ну, она же характер проявила, пошла на него, смелая.

В.: Значит, кое-какие неспецифические навыки можно развить в процессе деятельности. Она же не считала себя бесстрашным бойцом.

У. 3: А что у нас будет «шпагатом»? Что мы должны развивать у себя?

В.: Это те вещи, о которых, уверен, вы не раз слышали. Рефлексия, критико-аналитическое мышление, «социологическое воображение»⁹, беспристрастность, любознательность. Это как проверка музыкального слуха у учеников музыкальных школ: у большинства он есть, но нужен определенный уровень владения им. Важно отметить, что он развивается в процессе занятий, и недостаток музыкального слуха может компенсироваться чувством ритма.

Этот фрагмент работы «длинного стола» показывает необходимость предварительной диагностики неспецифических навыков, а также специальных упражнений для их развития. В практике работы «длинного стола» используется несколько умных «утиных тестов», которые выявляют уровень развития таких неспецифических навыков, как «социологическое воображение», рефлексия, эмпатия, любознательность, критико-аналитическое мышление. Эти навыки влияют на продуктивность использования качественного подхода в социологическом исследовании.

В качестве примера приведу несколько из них – те, что связаны с диагностикой наличия «социологического воображения» и любознательности: «Big Data в рекламе» и «Спроси у прохожего дорогу».

---

⁹ Социологическое воображение – «качество ума, которое необходимо для осмысливания взаимосвязей между человеком и обществом, между биографией и историей, между отдельной личностью и целым миром» (Миллс Ч. Р. Социологическое воображение / пер. с англ. О. А. Оберемко; под ред. Г. С. Батыгина. М.: Изд. дом Nota Bene, 2001. С. 8). Это позволяет, как в примере с чашкой кофе у Энтони Гидденса (Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 2005. С. 18–19), увидеть, что кофе – не только напиток, но и социальный ритуал общения (пригласить на кофе), что зерна кофе в экономическом обмене в период колонизации ценились, как золото и нефть.

Инструменты и упражнения «длинного стола» для развития «социологического воображения»

Big Data в рекламе

Участникам «длинного стола» предлагается решить задачу из области таргетированной рекламы, использующей мобильные средства связи. Для такой рекламы важно знать пол владельца мобильного телефона, чтобы предлагать товары и услуги, соответствующие интересам мужчин и женщин.

В этой задаче можно наблюдать проявление «социологического воображения» как способности искать решение не в психологическом различии полов (представление о том, что женщины говорят по телефону дольше, чем мужчины), а во внешнем социальном факторе, который влияет на гендерное поведение, связанное с звонками по телефону.

Рецепты «длинного стола»

Ведущий: Хотите сами пройти «утиный тест»? Он из области рекламы на телефонах, для которой важно знать пол абонента, чтобы, к примеру, реклама помады попала женщине, а лезвий для бритвы – мужчине. Провайдер может дать информацию только по дате звонка, его длительности и соотношению входящих и исходящих вызовов абонента. Можно ли по этим трем данным определить пол владельца телефона?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.